

Н.В.Салоников, К.В.Суториус

ПРЕПОДАВАНИЕ ГРАММАТИКИ В НОВГОРОДСКИХ АРХИЕРЕЙСКИХ ШКОЛАХ В 20—30-Е ГГ. XVIII В. (НА МАТЕРИАЛЕ ВЕДОМОСТЕЙ УЧАЩИХСЯ)

На основе анализа ведомостей учащихся реконструируется преподавание грамматики церковнославянского, греческого и латинского языков в Новгородских архиерейских школах в 20-е гг. XVIII столетия. Авторы приходят к выводу, что в «славянской», греческой и латинской школах, созданных при архиерейском доме в Новгороде, а также в партикулярных школах, открытых на территории Новгородской епархии, действовала многоуровневая система обучения: от начального изучения Часослова, Псалтыри, чтения, письма и букваря до грамматики, риторики и поэтики. Грамматику церковнославянского языка изучали до грамматики греческого или латинского, но иерархии между этими последними не было: можно было как поле греческого приступить к изучению латинского, так и наоборот. Время освоения грамматики у разных учеников было различным и зависело как от их способностей и прилежания, так и от желания учителя изложить материал за более короткое время. В среднем, согласно данным ведомостей, ученики тратили на изучение грамматики церковнославянского языка полтора года, а греческого — не менее трех лет.

Ключевые слова: Новгородская архиерейская школа, грамматика церковнославянского, греческого и латинского языков, ведомости учащихся, учителя: Федор Максимов, Варфоломей Федоров, архимандрит Филимон, Павел Горошковский

В последние десятилетия история Новгородской архиерейской школы, основанной в 1706 г. митрополитом Иовом (1697—1716), стала объектом постоянного внимания исследователей. С одной стороны это можно объяснить тем, что в истории отечественной культуры Петровского времени Новгородская школа занимает особое место, будучи одним из немногих великорусских центров образования и науки. Школа давала образование большее, чем начальное, в программу которого входило умение читать и знание основных богослужебных текстов. В период своего наивысшего подъема, при архиепископе Феодосии (Яновском) (1721—1725), здесь преподавалась грамматика церковнославянского языка, языки греческий и латинский, а также риторика. Значение Новгородской школы в истории отечественной культуры первой трети XVIII в. заключается не только в том, что она была успешным образовательным проектом, но и в том, что новгородским архиереям — митрополиту Иову и архиепископу Феодосию — удалось собрать вокруг школы значительные интеллектуальные ресурсы (переводчики, преподаватели языков, богословы). Благодаря этому Новгородская школа невидимыми нитями оказалась связанной с самыми разными сторонами культурной жизни России этого времени, и обнаруживаемые нами новые документы показывают многосторонность и подчас неожиданность этих связей. Неслучайно, что исследования последних лет были посвящены определению типологии школы, ее места и значения в истории отечественного образования [1; 2; 3, с. 185-203]. С другой стороны интерес к истории школы обусловлен появлением новых исследовательских возможностей, связанных выявлением в архивохранилищах России ранее неизвестных источников. Значительная часть работ последних лет посвящена введению в научный оборот источников, включая их публикацию [4; 5, с. 280-301; 6-8], а также изучению на основе их анализа отдельных сюжетов, связанных с историей школы: обучение в Новгороде дворянских недорослей в 1715—1717 гг. [9], превращение школы в центр подготовки учителей для других епархий России в 1723—1725 гг. [10].

Несмотря на возросший исследовательский интерес, многие стороны деятельности Новгородской архиерейской школы остаются сегодня малоизученными. К ним относится и преподавание грамматики. В последние годы среди отечественных историков и филологов тема преподавания языков в учебных заведениях России XVIII столетия стала очень популярной [см., в частности: 11-15]. При этом история преподавания церковнославянского, греческого и латинского языков в Новгородской школе в 1706—1738 гг. остается практически неизученной. На основании известных нам в настоящее время источников мы можем утверждать, что в Новгороде изучались грамматика, риторика и поэтика. Преподавание поэтики, как особой дисциплины, засвидетельствовано хуже всего: поэтика изучалась после курса риторики очень короткий промежуток времени в 1716/17 и 1726/27 уч. г. Преподавание риторики засвидетельствовано лучше. Она изучалась после грамматики. Однако далеко не все ученики после грамматики изучали еще и риторику, поэтому основную массу учеников Новгородской школы составляли именно те, кто изучали грамматику. Эта особенность была характерна не только для Новгородской школы, но и в Киево-Могилянском коллегиуме и в Московской Славяно-греко-латинской академии можно видеть похожую ситуацию.

Говоря о преподавании грамматики, следует различать преподавание грамматики церковнославянского (или просто славянского) языка и грамматики языков греческого или латинского. В первом случае мы имеем дело с изучением грамматики того языка, который уже был в какой-то мере известен учащимся, поскольку во-первых, церковнославянский язык был знаком им из литургической практики, в которой они участвовали, а во-вторых, поскольку к изучению грамматики они приступали после начального (рудиментарного) обучения, в курс которого входили заповеди, Часослов, Псалтырь и букварь. В связи с этим изучение грамматики

церковнославянского языка могло носить в большей степени теоретический характер, чем изучение грамматики греческого и латинского языков, которое не столько должно было быть похожим на изучение грамматики, сколько на изучение иностранного языка.

Источники

Изучение того, как преподавалась грамматика в Новгородской школе, представляет трудность потому, что, во-первых, нам неизвестно никаких документов, регламентировавших не только преподавание этого предмета, но и учебный процесс вообще. Во-вторых, мы не можем пока со всей определенностью указать, что те или иные рукописные материалы относятся к преподаванию грамматики в Новгородской школе и могут рассматриваться как свидетели этого. Грамматика, по-видимому, не рассматривалась как цель образования и поэтому для тех, кто ее изучал, рабочие материалы, относящиеся к учебному процессу (например, упражнения), не представляли особой ценности, в силу чего и не сохранились. В-третьих, хотя нам известны некоторые учебные пособия, связанные с деятельностью Новгородской школы (новгородская редакция греческой грамматики Лихудов, славянская грамматика Федора Максимова), однако сами по себе эти пособия не содержат указаний на то, как именно они использовались или должны были использоваться в учебном процессе. Поэтому ответ на ряд вопросов: в каком порядке преподавалась грамматика, что в классе делал учитель с учениками, сколько времени отводилось на изучение курса церковнославянской, греческой, латинской грамматики, была ли цикличность обучения по учебным годам, — остается гипотетическим.

В этой ситуации наиболее информативными оказываются делопроизводственные документы, прежде всего ведомости учащихся. Эти документы значатся под разными названиями: «ведомость», «реестр», «табель». Ведомости учащихся Новгородской архиерейской школы составлялись по разным поводам и сообщают разные сведения. Эти ведомости не были сугубо академическими документами, цель которых состояла в том, чтобы фиксировать успеваемость учащихся и этапы прохождения ими учебной программы. Ведомости могли быть также документами административного или хозяйственного учета, поэтому не все известные в настоящее время ведомости учащихся Новгородской школы содержат сведения о том, какие разделы учебной программы прошли или проходят ученики [8, с. 19-24].

В настоящее время нам известны 11 ведомостей учащихся Новгородской архиерейской школы. Наиболее ранняя ведомость — «Реестр учеником греческия школы, которые во учении были у учителя иеромонаха Иова, кто в какой науке обретается, и под ведение иподиакона Феодора отданы» — была составлена 1 декабря 1718 г. [16; опубл.: 5, с. 287-288]. Две ведомости были составлены, очевидно, в январе 1724 г.: «Табель великоновгородския грекославянския школы учеников гречески учащихся» [17; опубл.: 5, с. 292] и «Табель великоновгородския грекославянския школы учеников славенски учащихся» [18; опубл.: 5, с. 293-294]. «Табель разных епархий учеником в новгородских школах славенския грамматики обучившимся и обучающимся» была составлена в апреле 1725 г. [19]. В конце 1725 г. были составлены 4 ведомости: «Реэстр славенския школы учеником», которых учит Федор Максимов [20]; «Реэстр архиерейскаго дому славенския школы учащимся учеником», которых учит певчий Варфоломей Феодоров [21]; «Табель обретающимся еллиногреческия школы учеником» [22]; «Табель латинския школы учеником в архиерейском доме обретающимся 1725 септемвриа по 24 число» [23]. В марте 1726 г. были составлены две ведомости греческой и латинской школы: «Реэстр учеником греческия школы, котории годныи и котории негодныи во учении, кто из них дому архиерейского и кто не архиерейского, котории суть подкидыши и котории не подкидыши, и кто чиего отца сын» [24] и «Реэстр учеником латинския школы, котории годныи во учении и котории не годныи, кто из них дому архиерейского и кто не архиерейского, и котории суть подкидыши и котории не подкидыши, и кто чиего отца сын» [25].

Особняком стоит последняя ведомость, составленная во второй половине 1727 г. — «Ведомость о Великоновоградских и Епархиальных школах, колико в них с начала было учеников, и что ныне обретается, и до каких наук произошли, и в какое достоинство куда произведены» [26]. Ведомость содержит сведения об учениках всех школ, включая партикулярные, с 1706 по 1726 г. и состоит из нескольких разделов: «Ученики бывшия под учением учителей Лихудиевых и их учеников» (153 человека) [26, л. 126-132]; «Ученики бывшия под учением ученика Лихудиевых учителей иподиакона Феодора Максимова от 718 года до 726-го» (90 человек) [26, л. 132 об.-138 об.]; «Ученики из разных епархий присланныя для обучения славенския грамматики, под учением бывшии онаго ж иподиакона» (17 человек) [26, л. 139]; Ученики переведенные «1724 года из той же грекославенской школы в новозаведенную латинскую школу, которая упразднилася 726 года» (24 человека) [26, л. 139 об.-141 об.]; «Ученики, которые «ныне обретаются при грекославенской архиерейской школе» (19 человек) [26, л. 143-144]; Ученики партикулярных школ при Знаменской церкви в Новгороде и при Розважском монастыре [26, л. 144 об.-151 об.]; Ученики епархиальных школ, существовавших по другим городам и «знатным местам» Новгородской епархии [26, л. 152-183]. Разделы об учениках Лихудов и об учениках Федора Максимова из ведомости 1727 г. хотя и дают богатый материал по истории Новгородской школы, а также по социальной истории образования в России в первой четверти XVIII в., однако представляют трудность для исследования в рамках нашей темы, поскольку в формуляре этих разделов хотя и указывалось время поступления учеников в школу и части «программы», которые каждый из учеников прошел, однако не указывалось, когда ученики из школы выбывали и как долго они изучали каждый предмет. Указывалось только, «в какое достоинство произведены» и «в коем году».

Помимо ведомостей «славенской», греческой и латинской школ, интерес для нашего исследования представляют ведомости партикулярных школ, открытых при архиепископе Феодосии (Яновском) в разных местах Новгородской епархии. Были открыты: две школы в Новгороде — Знаменская и Розважская, по одной в Бежецке, Валдае, Великих Луках, Каргополе, Олонце, Старой Руссе, Тихвине, Торжке, Устюжне и на Петровских заводах. Открытие этой сети школ давало возможность детям духовенства Новгородской епархии учиться в непосредственной близости от родительского дома. Учителями в партикулярные школы были посланы ученики Лихудов, учившиеся у них в Новгороде. Это дает нам основание считать, что обучение в партикулярных школах могло быть организовано по образу Новгородской архиерейской школы. В партикулярных школах «преподаваемо было словесное и письменное правильное учение, то есть букварь, в котором содержится азбука, законное десягословие, молитва Господня, Символ веры и десять блаженств Евангельских с толкованием, по нем часослов, псалтырь и писать. И по приятии онаго учения дети из школы свободны были к возвращению мест своих. А иные по желанию своему приходили до грекославенския школы ко обучению грамматики и протчих наук» [26, л. 144 об.]. На сегодняшний день нам известны 5 ведомостей партикулярных школ: ведомости Розважской, Старорусской, Валдайской и Каргопольской, содержащие сведения об учениках за октябрь—декабрь 1723 г. [27], а также ведомость Розважской школы, составленная в конце 1725 г. [28]. Кроме того, информация об учащихся партикулярных школ содержится в ведомости 1727 г. [26, л. 144 об.-183]. Ведомости партикулярных школ имеют в целом ту же структуру, что и ведомости «славенской», греческой и латинской школ. Во всех этих ведомостях перечисляются ученики, которые проходили начальное (рудиментарное) обучение: букварь, Часослов, Псалтырь, письмо. Только в ведомости Каргопольской школы против имен первых семи учеников написано: «Букварь твердили вторично, ныне учат грамматики 1-ю часть, також де Псалтырь твердят и пишут» [27, л. 7]. К сожалению, известные нам сегодня ведомости не содержат информации о преподавании в партикулярных школах грамматики. Но в итоговой ведомости 1727 г., сказано, что в партикулярных школах, заведенных в разных местах Новгородской епархии «преподаваемо было, во-первых, словесное и письменное правильное учение, а потом грамматическое, в некоторых же и риторическое и греческое» [26, л. 152].

Все ведомости, за исключением реестра 1718 г., имеют вид таблиц. В них обычно сообщаются следующие сведения: имена учеников, их возраст, социальное положение их отцов (в некоторых ведомостях — церковнослужительский чин самих учеников), раздел «учебной программы», который ученики изучают (в некоторых ведомостях указывалось время, проведенное в школе, и раздел программы, который изучали ученики прежде), оценка способностей учеников и прилежания. Из перечисленных ведомостей 4 содержат сведения об учениках, изучавших греческий язык (так называемая «греческая школа»), 2 — об учениках, изучавших латинский язык («латинская школа»), 4 — о тех, кто изучали грамматику церковнославянского языка («славенская школа»). Поскольку ведомости учащихся сохранились фрагментарно и содержат информацию за короткий промежуток времени, то для реконструкции преподавания грамматики их данные нужно рассматривать в совокупности.

Преподавание церковнославянского языка

Самая ранняя ведомость «славенской школы» — «Табель великоновгородския грекославянския школы учеников славенски учащихся» [18]. Она содержит информацию о преподавании церковнославянского языка в декабре 1723 г. В табели значится 34 человека, из числа которых 9 человек «возновляли забытое осмочастие и сочинение», а 25 человек «по 1-му согласию писали симфонии, 2-е вытвердивше пишут же». Сведения, которые сообщает «табель», вызывают ряд вопросов. Прежде всего, что означают слова «возновляли забытое осмочастие»? Когда ученики успели забыть «осмочастие», за время ли штатных летних каникул, если формат обучения такие каникулы предполагал, или по какой-то причине возник незапланированный большой перерыв в занятиях. Ответов на эти вопросы у нас пока нет. Формулярный анализ других ведомостей учащихся Новгородской школы позволяет предполагать, что в ведомостях указываются ученики в порядке освоения ими «учебной программы» по убыванию: в начале те, кто прошли больше, в конце те, кто прошли меньше. На основании этого можно предположить, что 25 учеников, которые «по 1-му согласию писали симфонии», шли после учеников, которые «возновляли забытое осмочастие». Однако возникает вопрос, когда эти «младшие» ученики приступили к обучению?

Для исследования вопроса о том, в каком порядке изучалась грамматика церковнославянского языка интересным оказывается представленный в Св. Синод 23 апреля 1725 г. «табель» учеников, которые были направлены в Новгородскую школу из различных епархий для изучения славянской грамматики с тем, чтобы преподавать грамматику в своих епархиях после окончания обучения [19]. Важность этого документа состоит в том, что в нем указано не только какую часть учебного курса изучил или изучает ученик, но и то, какое время он провел в школе. Это дает нам возможность примерно определить время, которое затрачивалось на освоение соответствующего раздела учебной программы. В «табели» значится всего 18 человек, из которых о десяти сказано, что они «грамматику окончили»: два человека (из Тверской епархии) прибыли в школу за 17 месяцев до составления ведомости, еще два (из Великоустюжской) — за 14 месяцев, два (из Ростовской) — за 13 месяцев, два (из Тверской) — за 11 месяцев и два (из Рязанской) — за 6 месяцев. Здесь же в табели имеется колонка «В поятии кто каков?», где напротив великоустюжских и рязанский учеников указано «поятны», а напротив

остальных — «по среднему». Поскольку в «табели» встречается еще один вид характеристики — «туп», то, возможно, она соответствует неудовлетворительной оценке, характеристика «по среднему» — удовлетворительной, а «попятны» — хорошей. Прибывавшие в Новгородскую школу из разных епархий ученики могли, конечно, иметь разный уровень предварительной подготовки, но указания «табеля», как кажется, можно истолковать так, что «попятные» ученики могли освоить курс славянской грамматики за 6 месяцев.

Характеристику «тупы» получили три ученика, в силу чего указанное в «табели» время, прошедшее с момента прибытия их в школу, едва ли можно рассматривать как период достаточный для освоения соответствующей части курса (у двух учеников в графе «Кто что изучил?» указано: «Осмочастие окончив, сочинения учится», — и у одного: «Осмочастие окончив, виды пишет») [19]. Однако еще пять учеников имеют характеристику «по среднему» и указанный в «табели» их период пребывания в Новгородской школе кажется более обоснованным рассматривать как время достаточное для того, чтобы изучить указанную здесь же часть курса. О трех учениках из Коломенской епархии сказано, что они находятся в школе 3 месяца и «изучили грамматику до надглаголия» (наречия), а о двух учениках из епархии Воронежской сказано, что они находятся в школе 1 месяц и дошли «до местоимения» [19].

Ученики из других епархий прибывали в Новгородскую школу в разное время и в разное время приступали к учебе, в связи с чем возникает вопрос, как было организовано их обучение: учились ли они вместе с другими новгородскими школьниками, или они занимались отдельно, и если вместе, то как в этом случае проходили занятия в классе, ведь на момент приезда в школу новых учеников — ноябрь 1723 г., февраль, март, май, октябрь 1724 г., январь, март 1725 г. — бывшие в школе ученики уже успели пройти какую-то часть грамматики. Если новые ученики занимались отдельно, то в их группе должна была бы возникать такая же трудность, как и в случае, если они учились вместе с другими новгородскими школьниками: разный уровень подготовки учеников в группе. Было ли организовано в Новгородской школе раздельное обучение учеников с разным уровнем подготовки, как это, к примеру, предполагала организация учебного процесса у иезуитов? Было ли обучение по классам или для каждого ученика был свой индивидуальный план? Было ли организовано обучение циклично и существовало ли деление на учебные годы, отделенные друг от друга каникулами, с отдельной программой для каждого года?

Не менее, а возможно еще более важным источником по истории преподавания церковнославянской грамматики в Новгородской школе представляются реестры «славенской школы», составленные в конце 1725 г. В реестре учеников «славенския школы», которых «учит подьякон Федор Максимов», значатся 39 человек [20]. Они сгруппированы в три группы. Первая включает 20 человек. Про 8 из них в колонке под названием «Учение» сказано: «Граматику окончивает», — здесь же в колонке «Лета учения» указано, что каждый учился «в грамматице 1 год». Еще 12 человек изучали «сочинение грамматики» и про них также было сказано «в грамматице 1 год» [20, л. 44-44 об.]. Интересно, что в этой же колонке указано сколько времени ученики затратили на обучение чтению, букварю, а иногда и письму. Время освоения этих предметов зависело от способностей и прилежания учеников. Например, Дометий Феофилактов потратил на изучение букваря три месяца, а Симеон Ильин «во чтении, письме и букваре» находился три года [20, л. 44]. В среднем ученики заканчивали начальное обучение за два года.

Вторая группа, озаглавленная «Ученики из разных епархий присланные», включает 9 человек [20, л. 44 об.-45]. Про двух из них сказано: «Граматику окончивает» — и указано, что каждый учится «в грамматики 11 месяцев». 4 человека изучали «сочинение», из которых трое учились 8 месяцев и 20 дней, а один — 11 месяцев. О последнем ученике в графе «Ум и память» сказано: «Туп и память плоха», — на основании чего можно предположить, что этот ученик потратил на освоение учебного материала больше времени, чем его товарищи, время обучения которых скорее надо считать нормой. Еще два ученика значились как изучающие «сочинение», но указано, что они учились 6 месяцев и 20 дней. Наконец, про одного ученика этот реестр сообщал, что он учится 3 месяца и изучает «осмочастие». Исходя из того, когда указанные в этой второй группе ученики прибыли в Новгородскую школу [19], мы можем предположить, что реестр это был составлен 22 октября 1725 г.

Третья группа учеников озаглавлена: «Отлучившиеся от школы своевольно нынешняго 725 года» [20, л. 45-45 об.]. Здесь значатся 10 человек. Однако анализировать сведения, которые сообщаются в этой части реестра, сложно, поскольку, хотя здесь и указано, что шестеро из названных учеников изучали «сочинение», а четверо — «осмочастие», однако не вполне понятно, к чему надо отнести указанные «лета учения» — 6, 7, 8 и 9 месяцев — к промежутку ли времени, которое потратили эти ученики на освоение соответствующего материала, или ко времени, которое прошло с момента их приема в школу до момента, когда был составлен реестр, как, например, указывалось в ведомостях 1740-х гг.

Второй составленный в конце 1725 г. реестр учеников «славенской школы» включает имена учеников, которых «учит певчей Варфоломей Федоров» [21]. Здесь значатся 29 человек. Из них про 18 учеников сказано, что они учат «славенское осмочастие» и находятся «в грамматице 2 месяца», еще пять значатся в «осмочастии», но в школу не ходят, про двух сказано, что учиться они не хотят. Про трех «малостатейных» учеников сказано, что они в течение года учили Часослов и Псалтырь, и теперь учат «букварик» (от 1 до 3 месяцев), и один значится «при окончании грамматики» [21, л. 46 об.]. Если реестр об учениках Варфоломея Федорова составлен тогда же, когда и реестр об учениках Федора Максимова, то напрашивается предположение о том, что ученики,

которые учат «славенское осмочастие» 2 месяца, стали его изучать с начала 1725/6 уч. г. Соответственно, ученики Федора Максимова, которые были «в грамматике 1 год», начали учиться в начале 1724/5 уч. г., а в 1725/6 уч. г. продолжали и заканчивали изучение церковнославянской грамматики. Восемь из 20 учащихся, названных в «Реестре» Федора Максимова, в марте 1726 г. значатся уже среди учеников «греческой школы» [24].

Преподавание греческого языка

Перейдем теперь к ведомостям об учениках «греческой школы». Хронологически первой из этих ведомостей был реестр от 1 декабря 1718 г. [16]. В нем были перечислены ученики, которые от учителя иеромонаха Иова перешли в ведение иподиакона Федора Максимова. Согласно этому реестру у Максимова училось 16 человек. Из них: 2 человека «грамматику и пиитику изучили»; 6 человек «во учении осми частей слова греческия грамматики, а имянно в наречии»; 6 человек «во учении осми частей слова греческия же грамматики, а имянно во имени»; 2 находятся «во орфографии славенския грамматики».

Следующая по времени ведомость — это составленный в январе 1724 г. «Табель великоновгородския грекославянския школы учеников гречески учащихся» [17]. В ней содержатся сведения за декабрь 1723 г. Согласно этому «табелю» в греческой школе учились 20 человек, из которых: 6 изучили «славенския риторики от 20 фигуры до расположения больших слов»; 1 «прешедшия виды возновляя действительно, 2-го отложит. писал темы»; 13 «окончавающие 3 согласие, твердили 1 действительных вид и пишут темы». Получается, что указанные в табели первые шесть человек изучали не греческий язык, а славянскую риторiku.

Третья известная нам ведомость об учениках «греческой школы» — это «Табель обретающимся еллиногреческия школы учеником» [22], составленный как можно предположить на основании других, входящих с ним в одну группу ведомостей, в конце 1725 г. Здесь значатся 14 человек. Из них про первых 11 сказано «Өематография, өемата павитица, от греческаго на еллинской язык», а в колонке «Лета учения» указано: «Два года» [22, л. 47]. Про трех последних в этой колонке указано «полгоды», а в колонке «Учение»: «Учат грамматику 3 часть, глагол» [22, л. 47 об.]. Если рассматриваемый нами табель «греческой школы» датируется тем же временем, что и реестры «славенской школы» Федора Максимова [20] и Варфоломея Федорова [21], а также если исходить из сделанного нами предположения об учениках «славенской школы», что те из них, о которых у Федора Максимова сказано, что они находятся «в грамматике 1 год», начали учиться в начале 1724/5 уч. г., то можно предположить, что ученики «греческой школы», в «летах учения» которых указано «два года», начали учиться в начале 1723/4 уч. г. При сравнении с табелем «греческой школы», составленным в январе 1724 г. [17], оказывается, что все эти 11 человек значатся в этом табеле в числе 13 учеников, которые «окончающие 3 согласие, твердили 1 действительных вид и пишут темы», так что два года их обучения надо считать с начала 1723/4 уч. г.¹ Соответственно, если считать, что ученики Варфоломея Федорова, которые находятся «в грамматике 2 месяца», начали учиться в начале 1725/6 уч. г., то можно предположить, что те ученики «греческой школы», которые учились «полгоды», приступили к обучению в середине 1724/5 уч. г., т. е. в начале 1725 г. В связи с этим возникает вопрос, как было организовано обучение в «греческой школе»: продолжался ли курс обучения два с половиной года и раз в два с половиной года начинался, или курс обучения делился не на учебные годы, которые начинались с началом осени, а на календарные.

Четвертая ведомость об учениках «греческой школы» — это «реестр», подписанный учителем архимандритом Филимоном [24]. Мы датруем этот реестр мартом 1726 г. на основании того, что вместе с ним в деле подшит «реестр» об учениках «латинской школы», подписанный учителем Павлом Горошковским 9 марта 1726 г., который имеет почти такой же заголовок и структуру [25]. В этом реестре греческой школы указаны 17 человек. И хотя здесь не приводятся сведения ни о времени вступления в школу, ни о том, какой раздел курса изучают ученики, однако сравнение этого реестра с упомянутыми выше реестрами «славенской школы» конца 1725 г. [20, 21], а также греческой школы того же времени [22] может дать интересные результаты.

В реестре 1726 г. мы находим две группы учеников. Во-первых, это 9 учеников, которые в реестре конца 1725 г. значатся как изучавшие греческую грамматику «два года» [22], а в табели начала 1724 г. они значатся в числе учеников, которые «окончающие 3 согласие, твердили 1 действительных вид и пишут темы» [17]. Получается, что курс греческой грамматики для этих учеников продолжался даже не два с половиной, а три года. Во-вторых, мы находим в реестре 1726 г. группу из 8 учеников, которые значатся в ведомости «славенской школы» конца 1725 г. [20]. Про шестерых из них в этой ведомости сказано «Граматику окончивает», а про двоих — что они изучали «сочинение грамматики». Здесь же в колонке «Лета учения» указано, что каждый учился «в грамматике 1 год». Соответственно, если в начале 1726 г. эти ученики перешли в «греческую школу», то напрашивается предположение, что начали они изучение славянской грамматики в начале 1724/5 уч. г., и курс их обучения в «славенской школе» составлял полтора года. В табеле «славенской школы» начала 1724 г. эти ученики еще не значатся [19].

¹ Не исключено, что ученики греческой и «славенской» школ могли начать изучение грамматики этих языков раньше указанного времени, но достоверных сведений об этом мы сегодня не имеем.

Интересные результаты дает сравнение сведений из раздела об учениках, которые «ныне обретаются при грекославенской архиерейской школе» из ведомости 1727 г., с данными из ведомостей предшествующего времени. В этом разделе значатся 19 учеников [26, л. 143-144]. Из них «действием проходили»: шестеро «Пинтики вторую часть»; шестеро «Греческую грамматику»; шестеро обучались «гречески читать»; один — «обучается в осмочастии». Все ученики первой группы — Иван Алексеев, Петр Тихонов, Емелиан Василиев, Иван Феодоров, Пантелеимон Корнильев, Игнатий Евтихий² — значатся в реестре «греческой школы» 1726 г. [24], в предшествующей ведомости конца 1725 г. они значатся как изучавшие греческую грамматику уже два года [22], а в ведомости начала 1724 г. они указаны в группе «Окончающие 3 согласие, твердили 1 действительных вид и пишут темы» [17]. Можно предположить, что в 1725/6 уч. г. они закончили свой третий год изучения греческого языка и в 1726/7 уч. г. перешли к изучению поэтики.

Четверо из учеников второй группы — Деметий Феофилакт, Илия Иванов, Фока Тимофеев и Михаил Конанов³ — также значатся в реестре «греческой школы» 1726 г. [24], однако в ведомостях конца 1725 г. они указаны в ведомости «славенской школы» первые трое среди тех, кто «грамматику окончает», а Михаил Конанов в «сочинении грамматики» [20, л. 44-44 об.]. Соответственно, в первой половине 1727/8 уч. г. они уже изучали греческую грамматику второй год. Один ученик, Андрей Иоаннов, в реестре 1726 г. отсутствует, но в ведомостях конца 1725 г. он указан в «греческой школе» среди тех, кто учится «полгода» и изучает «грамматику 3 часть, глагол» [22, л. 47 об.]. Соответственно, в первой половине 1727/8 уч. г. он изучал греческую грамматику тоже второй год. Шестой из учеников, которые значились в ведомости 1727 г. как изучавшие греческую грамматику, Варфоломей Космин⁴, в ведомостях 1725/6 уч. г. значится среди учеников «латинской школы», изучавших латинский язык [23, л. 42 об.; 25, л. 13].

Из учеников третьей группы один, Павел Антониев⁵, значится в реестре учеников «латинской школы» 1726 г. как изучающий латинский язык [25, л. 13]. В разделе об учениках «латинской школы» в ведомости 1727 г. также указано, что Павел Антонов и упомянутый выше Варфоломей Космин в 1726 г. «возвращены в грекославенскую школу, где и обучаются» [26, л. 141]. Двое из учеников рассматриваемой третьей группы — Игнатий Стефанов⁶ и Феофан Авдиев⁷ в реестре латинской школы 1726 г. значатся как изучающие «десятословие» [26, л. 14]. Однако трое учеников — Матфей Василиев, Петр Савелиев и Максим Петров⁸ — не значатся ни в одной предшествующей ведомости и в ведомости 1727 г. указано, что они перед этим ничего не учили. Видимо, имеется в виду, что они не учили ничего в архиерейской школе, поскольку представить, что они приступили к изучению греческого, не имея никакой подготовки, трудно.

Еще про одного из 19 учеников «грекославенской» школы, Феофилакты Сергиева⁹, сказано: «Ныне паки обучается в осмочастии» [26, л. 143]. Этот ученик не указан в реестре 1726 г., однако в ведомости «греческой школы» конца 1725 г. сказано, что он изучает греческий два года [22, л. 47], в «греческой» же ведомости начала 1724 г. он записан в группе «окончающих 3 согласие» [17].

Преподавание латинского языка

Латинская школа была открыта в Новгороде в 1724 г. и «упразднилась» в 1726 г. [26, л. 139 об.]. Известно, что в школу были переведены 24 ученика [2, с. 233]. Из них: 21 из «славенской школы» и 3 из греческой. Первым учителем в латинской школе был, кажется, иеромонах Георгий (Данилов), после его смерти в школе преподавал «студент» Павел Горошковский [6, с. 192-193]. Нам известны две ведомости учащихся латинской школы: одна составлена в конце 1725 г., а вторая в марте 1726 г. Соответственно, обе ведомости относятся к 1725/6 уч. г., второму году существования школы.

Первая из этих ведомостей — «Табель латинския школы учеником в архиерейском доме обретающимся 1725 сентября по 24 число» — содержит имена 26 учеников [23]. В колонке «Лета учения» у всех учеников кроме одного указано, что латинский язык они изучали уже 1 год. Только один ученик — подьяк Даниил Яковлев — значится как изучавший латынь полгода. Ученики в табели сгруппированы в три группы в зависимости от того, что они изучали: 1) первые 8 человек — «в большом Алваре в начатках»; 2) следующие 10 человек — «в малом Алваре при окончании»; 3) еще 8 человек — «в малом Алваре в рудиментах», или «мало что умеет», «мало что изучил». Поскольку все эти ученики за исключением одного учились в латинской школе одинаковое время — один год — то можно предположить, что в табели отражены разные результаты, которые за это время смогли достичь ученики, т.е. первая группа показала лучшие результаты, вторая — хорошие, а третья — слабые. Трое из учеников «латинской школы» значатся в начале 1724 г. в «табели» учеников «гречески учащихся»: двое — Алексей Феодоров и Иоанн Симеонов — указаны среди тех, кто изучил «славенския риторики от 20 фигуры до расположения больших слов», третий — Лука Космин — «прешедшия

² Поступили в школу в 1721 г.

³ Поступили в школу в 1723 г.

⁴ Поступил в школу в 1722 г.

⁵ Поступил в школу в 1723 г.

⁶ Поступил в школу в 1724 г.

⁷ Поступил в школу в 1725 г.

⁸ Первые двое поступили в школу в 1726 г., последний — в 1727 г.

⁹ Поступил в школу в 1719 г.

виды возновляя действительно, 2-го отложит. писал темы» [17; 6, с. 193, прим. 55]. При этом в «табели латинския школы» указано, что Лука Космин находился «2 года в греческом» учении, про Алексея Федорова о том, что он учился в «греческой школе» не сказано [23, л. 42]. Эти два ученика указаны в «табели латинския школы» первыми, что подтверждает наше наблюдение за формуляром ведомостей: ученики в них значатся по «старшинству» обучения — сперва те, кто прошли «по программе» больше, а затем по убывающей те, кто прошли меньше.

Большая часть учеников — 21 человек, указанных в «табели латинския школы», значатся в начале 1724 г. в «табели» учеников «славенски учащихся» [18]. Пять из них относились к группе учеников, которые «возновляли забытое осмочастие и сочинение», а 16 — к группе тех, которые «по 1-му согласию писали симфонии, 2-е вытвердивше пишут же». Обращает на себя внимание то, что в табели начала 1724 г. в первой группе перечислены 9 учеников, однако не все из них значатся в «табели латинския школы». Имена троих учеников значатся в табели «еллиногреческия школы» как учившихся «полгоды» [22]. Очевидно, что часть учеников «славенской школы» в начале 1724/5 уч. г. перешла в «латинскую школу», а часть в середине того же года перешла в школу греческую. Здесь возникает вопрос, на который у нас пока нет ответа: чем было обусловлено то, что одни ученики после «славенской» школы попадали в латинскую «школу», а другие в греческую.

Вторая ведомость учеников латинской школы — «реэстр», который подписал 9 марта 1726 г. учитель Павел Горошковский — содержит имена 44 учеников [25]. Этот реэстр состоит из четырех частей: ученики, изучающие собственно латинский язык (заголовка у этой части нет), 23 человека; «Славенския грамматики, а ныне учащии десятословие в той же латинской школе» 10 человек; «По-русски учатся в той же латинской школе» 8 человек; «Из немецкой школы переведены в латинскую и обучаются десятословия» 3 человека. В первой части этого реэстра не указано, какой раздел грамматики изучали ученики и сколько времени они уже учатся в «латинской школе» [25, л. 13-13 об.]. Однако при сравнении с «табелью латинской школы» конца 1725 г. [23] можно видеть, что в реэстре 1726 г. значатся те же ученики, что и в предыдущей ведомости. Имена лишь трех учеников из предыдущей ведомости не указаны.

Что касается учеников, которые в латинской школе изучали «десятословие», то двое из них значатся в «реэстре славенския школы» Федора Максимова конца 1725 г. среди тех, кто изучал «сочинение грамматики» [20]. Остальные 8 учеников значатся в реэстре того же времени «славенския школы учащимся учеником», которых учит певчий Варфоломей Федоров [21]. Эти ученики изучали «славенское осмочастие» и находились «в грамматице 2 месяца», т. е. с начала 1725/6 уч. г. Всего изучающих «осмочастие» значилось в реэстре 25 человек, однако про семерых сказано, что они в школу не ходят [21, л. 46 об.]. Получается, согласно реэстру, занимались «осмочастием» фактически 18 человек. И здесь возникает вопрос, почему только 8 из них перешли к изучению «десятословия»? Кроме того, на основании сравнения реэстра Варфоломея Федорова и реэстра учеников латинской школы 1726 г. с другими ведомостями «славенской школы» можно предположить, что 8 учеников, которые перешли к изучению «десятословия» еще не закончили изучения церковнославянской грамматики. В связи с этим возникает еще один вопрос: продолжали эти восемь учеников заниматься грамматикой после того, как приступили к изучению «десятословия», или нет.

В четвертой части реэстра указаны имена еще трех учеников, которые также «обучаются десятословия» [25, л. 14 об.]. Однако эти ученики не только не значатся в реэстрах «славенской школы» второй половины 1725 г., но и не находятся в других ведомостях, если только Никита Симеонов, который значится как «не подкидыш» и «крестянской сын», не тот же самый ученик, что и Никита Симеонов, который в табели «славенской школы» начала 1724 г. указан под № 8 как сирота 10 лет в группе тех, кто «возновляли забытое осмочастие» [18]. Более того, заголовок этой четвертой части реэстра — «Из немецкой школы переведены в латинскую» — вызывает вопрос, о какой немецкой школе идет здесь речь?

Наконец, мы не находим ни в одной из предыдущих ведомостей также имена восьми учеников, указанных в третьей части реэстра «латинской школы» [25, л. 14-14 об.]. Сам заголовок этой части — «По-русски учатся в той же латинской школе» — ставит нас в трудное положение: означает ли выражение «по-русски», что указанные ученики изучали не церковнославянский, а современный им русский язык, кроме того, почему ученики, учившиеся по-русски, оказались записанными в ведомости «латинской школы», в силу ли какой-то особой традиции, как, например, мы видели, что ученики, изучавшие «славенскую» риторику, были записаны в ведомости «греческой школы», или в силу того, что один учитель учил и латинскому языку, и «десятословию», и «русской» грамматике. Очевидно, мы имеем дело со вторым вариантом, когда один учитель учил разным предметам. Пример Варфоломея Федорова, преподававшего разным ученикам и букварь, и грамматику церковнославянского языка, является типичным для того времени. Видимо, в эту часть реэстра «латинской школы» включены имена вновь принятых в школу учеников, которые должны были учиться в латинской школе, но не могли приступить к изучению латинского языка, «не подтянув» свои знания по родному языку.

Таким образом, известные нам сегодня ведомости учащихся архиерейской школы в Новгороде служат важнейшим источником информации в условиях полного отсутствия нормативных документов и крайней скудости других источников, на основании которых мы могли бы судить о том, как был организован учебный процесс в целом и в частности, как преподавалась в ней грамматика.

На основании известных ведомостей мы можем сказать, во-первых, что в период до 1727 г. в Новгородской школе преподавались постоянно грамматики двух языков — греческого и церковнославянского («славянского»), в короткий период времени — в 1724/5 и 1725/6 уч. г. — также и грамматика латинского языка.

Во-вторых, период времени, за который ученики осваивали грамматику этих языков, в школе не был строго регламентирован; у разных учеников он мог различаться в зависимости от их усердия и дисциплины; на время освоения учебной программы, возможно, влияло также желание учителя изложить материал за более короткое время.

В-третьих, курс обучения церковнославянской грамматики составлял, по-видимому, полтора года, а курс греческой грамматики — три года.

В-четвертых, хотя учебный процесс был организован, как можно предположить, по учебным годам, однако из одной «школы» в другую ученики могли переходить в середине учебного года.

В-пятых, процесс преподавания в школе был многоуровневым: от начального изучения Часослова, Псалтыри, чтения, письма и букваря до обучения грамматики церковнославянского, греческого, латинского языков, риторики и поэтики. При этом сохранялся традиционный метод обучения, когда один учитель в рамках одной «школы» мог преподавать «первостатейным» и «малостатейным» ученикам разные предметы.

В-шестых, что, хотя грамматику «славянского» языка учили до грамматики греческой или латинской, однако между латынью и греческим не было, похоже, иерархии так, что можно было как после греческого приступить к латинскому, так и после латинского перейти к греческому, и даже приступить к латинскому после курса «славянской риторики».

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42029.

1. Григорьева И.Л., Салоников Н.В. Новгородская школа братьев Лихудов как восточнославянская академия // Лихудовские чтения: Материалы науч. конф. «Первые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 11—14 мая 1998 г. / Отв. ред. В.Л.Янин, Б.Л.Фонкич. Великий Новгород, 2001. С. 77-94.
2. Вознесенская И.А. Новгородская школа братьев Лихудов // Новгородский исторический сборник. Вып. 10(20). СПб., 2005. С. 205-235.
3. Григорьева И.Л., Салоников Н.В. Новгородская «академия»: К истории учебных заведений Новгорода XVIII в. // Новгородский исторический сборник. Вып. 11(21). СПб., 2008. С. 185-218.
4. Салоников Н.В. Новгородская школа братьев Лихудов в 1717—1723 гг. (по данным ГАНО) // Лихудовские чтения: Материалы науч. конф. «Вторые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 24—26 мая 2004 г. / Отв. ред. В.Л.Янин, Б.Л.Фонкич. Великий Новгород, 2009. С. 47-54.
5. Новгородский архиерейский дом в первой половине XVIII века (по документам Государственного архива Новгородской области): сб. документов / Сост. Н.В.Салоников, О.В.Снытко; Департамент культуры и туризма Новгородской области; Государственный архив Новгородской области. Великий Новгород, 2016. 360 с.
6. Салоников Н.В. Новгородская школа братьев Лихудов при Феофане (Прокоповиче): обзор документов ГАНО и Архива СПб ИИ РАН // Новгородский исторический сборник. Вып. 17(27). Великий Новгород, 2017. С. 182-196.
7. Салоников Н.В., Суториус К.В. Документы по истории архиерейских школ в Новгороде XVIII в. и проблемы их комплексного изучения и издания // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования: Материалы XVI ежегодной науч. конф. историков-архивистов, 26 мая 2016 г. / Отв. ред. Я.А.Васильев. Великий Новгород, 2017. С. 11-18.
8. Салоников Н.В., Суториус К.В. Ведомости учеников Новгородской архиерейской школы и семинарии как источник по истории образования в первой половине XVIII в. // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования: Материалы XVII ежегодной науч. конф. историков-архивистов, 25 мая 2017 г. / Отв. ред. Я.А.Васильев. Великий Новгород, 2018. С. 19-36.
9. Базарова Т.А. «Петербургский класс» Новгородской епархиальной школы 1715—1717 гг. // Труды Государственного Эрмитажа. [Т.] 43: Петровское время в лицах-2008: Материалы науч. конф. СПб., 2008. С. 40-45.
10. Салоников Н.В., Суториус К.В. Документы по истории Новгородской архиерейской школы как центра подготовки учителей для епархий Российской империи (1723—1725 гг.) // Отечественные архивы. 2019. № 6. С. 52-59.
11. Rjéoutski V. Die französische Sprache in der Adelserziehung der Regierungszeit Peters I.: Professionelle Sprache oder Charakteristikum der sozialen Identität? // Adel und Mehrsprachigkeit in der Frühen Neuzeit: Ziele, Formen und Praktiken des Erwerbs und Gebrauchs von Fremdsprachen / Hrsg. H.Glück, M.Häberlein, A.Flurschütz da Cruz. Wiesbaden: Harrasowitz, 2018. S. 179-201.
12. Rjéoutski V. Latin in the education of nobility in Russia // Language Choice in Enlightenment Europe. Amsterdam, 2018. P. 169-190.
13. Kislova E.I. "Latin" and "Slavonic" Education in the Primary Classes of Russian Seminaries in the 18th Century // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2015. Vol. 4. № 2. P. 72-91.
14. Kislova E.I. Latin as the language of the orthodox clergy in eighteenth-century Russia // Language Choice in Enlightenment Europe. Amsterdam, 2018. P. 191-224.
15. Костина Т.В. «О Академии ученья языкам»: преподавание и изучение языков в Академической гимназии 1726—1727 гг. // Труды Государственного Эрмитажа. [Т.] 101: Петровское время в лицах-2019: Материалы науч. конф. СПб., 2019. С. 191-197.
16. ГАНО (Государственный архив Новгородской области). Ф. 480. Оп. 1. Д. 33. Л. 21-21 об.
17. ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 107. Л. 1.
18. ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 107. Л. 1 об.
19. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 796. Оп. 1. Д. 668. Л. 94.
20. Архив СПб ИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 44-45 об.
21. Архив СПб ИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 46-46 об.
22. Архив СПб ИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 47-47 об.
23. Архив СПб ИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 42-43 об.
24. Архив СПб ИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 12.
25. Архив СПб ИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 13-14 об.
26. РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 223. Л. 126-185.

27. ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 107. Л. 3-7 об.
28. Архив СПб ИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 48-49.

References

1. Grigor'yeva I.L., Salonikov N.V. Novgorodskaya shkola brat'yev Likhudov kak vostochnoslavlyanskaya akademiya [Novgorod School of the Leichoudes Brothers as an Eastern Slavonic Academy]. Proc. of "Pervye Likhudovskie chteniya". Velikiy Novgorod, 2001, pp. 77-94.
2. Voznesenskaya I.A. Novgorodskaya shkola brat'yev Likhudov [The Novgorod school of the Leichoudes Brothers]. Novgorodskiy istoricheskiy sbornik, iss. 10(20). Saint Petersburg, 2005, pp. 205-235.
3. Grigor'yeva I.L., Salonikov N.V. Novgorodskaya "akademiya": K istorii uchebnykh zavedeniy Novgoroda XVIII v. [Novgorod "Academy": On the history of educational institutions of Novgorod of the XVIII century]. Novgorodskiy istoricheskiy sbornik, iss. 11(21). Velikiy Novgorod, 2008, pp. 185-218.
4. Salonikov N.V. Novgorodskaya shkola brat'yev Likhudov v 1717—1723 gg. (po dannym GANO) [Novgorod school of the Leichoudes Brothers in 1717—1723 (according to GANO)]. Proc. of "Vtorye Likhudovskie chteniya". Velikiy Novgorod, 2009, pp. 47-54.
5. Salonikov N.V., Snytko O.V., comp. Novgorodskiy arkhivereyskiy dom v pervoy polovine XVIII veka (po dokumentam Gosudarstvennogo arkhiva Novgorodskoy oblasti) [Novgorod Bishop's House in the first half of the XVIII century (according to the documents of the State Archives of the Novgorod Region)]: sbornik dokumentov. Velikiy Novgorod, 2016. 360 p.
6. Salonikov N.V. Novgorodskaya shkola brat'yev Likhudov pri Feofane (Prokopoviche): obzor dokumentov GANO i Arkhiva SPb II RAN [Novgorod School of the Leichoudes Brothers under Theophane (Prokopovich): review of documentation from Novgorod Region State Archive and St.-Petersburg Institute of History under the Russian Academy of Science]. Novgorodskiy istoricheskiy sbornik, iss. 17(27). Velikiy Novgorod, 2017, pp. 182-196.
7. Salonikov N.V., Sutorius K.V. Dokumenty po istorii arkhivereyskikh shkol v Novgorode XVIII v. i problemy ikh kompleksnogo izucheniya i izdaniya [Documents on the history of bishop schools in Novgorod of the 18th century and the problems of their comprehensive study and publication]. Proc. of "Dokumental'noye nasledie Novgoroda i Novgorodskoy zemli". Velikiy Novgorod, 2017, pp. 11-18.
8. Salonikov N.V., Sutorius K.V. Vedomosti uchenikov Novgorodskoy arkhivereyskoy shkoly i seminarii kak istochnik po istorii obrazovaniya v pervoy polovine XVIII v. [Statements students of the Novgorod Bishop School and Seminary as a source on the history of education in the first half of the 18th century]. Proc. of "Dokumental'noye nasledie Novgoroda i Novgorodskoy zemli". Velikiy Novgorod, 2018, pp. 19-36.
9. Bazarova T.A. "Peterburgskiy klass" Novgorodskoy yeparkhial'noy shkoly 1715—1717 gg. [The Petersburg Class of the Novgorod Diocesan School of 1715—1717]. Proc. of "Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha, [vol.] 43: Petrovskoe vremya v lichah-2008". Saint Petersburg, 2008, pp. 40-45.
10. Salonikov N.V., Sutorius K.V. Dokumenty po istorii Novgorodskoy arkhivereyskoy shkoly kak tsentra podgotovki uchiteley dlya yeparkhiy Rossiyskoy imperii (1723—1725 gg.) [Documents on the history of the Novgorod bishops' school as a teachers training center for the dioceses of the Russian Empire (1723—1725)]. Otechestvennye arkhivy, 2019, no. 6, pp. 52-59.
11. Rjéoutski V. Die französische Sprache in der Adelserziehung der Regierungszeit Peters I.: Professionelle Sprache oder Charakteristikum der sozialen Identität? Adel und Mehrsprachigkeit in der Frühen Neuzeit: Ziele, Formen und Praktiken des Erwerbs und Gebrauchs von Fremdsprachen / Hrsg. H.Glück, M.Häberlein, A.Flurschütz da Cruz. Wiesbaden, 2018, S. 179-201.
12. Rjéoutski V. Latin in the education of nobility in Russia. Language Choice in Enlightenment Europe. Amsterdam, 2018, pp. 169-190.
13. Kislova E.I. "Latin" and "Slavonic" Education in the Primary Classes of Russian Seminaries in the 18th Century. Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2015, vol. 4, no. 2, pp. 72-91.
14. Kislova E.I. Latin as the language of the orthodox clergy in eighteenth-century Russia. Language Choice in Enlightenment Europe. Amsterdam, 2018, pp. 191-224.
15. Kostina T.V. "O Akademii uchen'ya yazykam": prepodavanie i izuchenie yazykov v Akademicheskoy gimnazii 1726—1727 gg. ["On the Language Academy": Teaching and Learning Languages in the Academy's Gymnasium in 1726—1727]. Proc. of "Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha, [vol.] 101: Petrovskoe vremya v lichah-2019". Saint Petersburg, 2019, pp. 191-197.
16. GANO (State Archives of the Novgorod Region). F. 480. Op. 1. D. 33. L. 21-21 v.
17. GANO. F. 480. Op. 1. D. 107. L.1.
18. GANO. F. 480. Op. 1. D. 107. L.1 v.
19. RGIA (Russian State Historical Archive). F. 796. Op. 1. D. 668. L. 94.
20. Archiv SPb II RAN (Archive of Saint Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences). Coll. 2. Op. 1. D. 114. L. 44-45 v.
21. Archiv SPb II RAN. Coll. 2. Op. 1. D. 114. L. 46-46 v.
22. Archiv SPb II RAN. Coll. 2. Op. 1. D. 114. L. 47-47 v.
23. Archiv SPb II RAN. Coll. 2. Op. 1. D. 114. L. 42-43 v.
24. Archiv SPb II RAN. Coll. 2. Op. 1. D. 114. L. 12.
25. Archiv SPb II RAN. Coll. 2. Op. 1. D. 114. L. 13-14 v.
26. RGIA. F. 796. Op. 8. D. 223. L. 126-185.
27. GANO. F. 480. Op. 1. D. 107. L. 3-7 v.
28. Archiv SPb II RAN. Coll. 2. Op. 1. D. 114. L. 48-49.

Salonikov N.V., Sutorius K.V. Teaching Grammar at Novgorod Bishop's School in the 1720—30s (based on students' records). This article is based on the analysis of students' records and reconstructs how Church Slavonic, Greek and Latin grammar were taught at Novgorod Bishop's School during 20-30-s of the 18th century. The authors have concluded, that multilevel system was established at "Slavonic", Greek and Latin schools of the Bishop's School in Novgorod, as well as at civil schools, opened on the territory of Novgorod eparchy: from studying basics of the Book of Common Prayers, Psalter, reading, writing and abecedarium to grammar, rhetoric and poetics. Church Slavonic grammar was taught prior to studying Greek or Latin grammar, but there was no hierarchy between the latter — one could study Greek grammar after Latin grammar and vice versa. It took different students different amount of time to master grammar, that depended on their learning abilities and diligence as well as on their teacher's desire to present the material during a shorter period of time. On average, according to the information from the records, the students spent one and a half year on studying Church Slavonic grammar, and no less than three years on Greek grammar.

Keywords: Novgorod Bishop's School, Church Slavonic, Greek and Latin grammar, students records, teachers Fyodor Maksimov, Varfolomej Fyodorov, archimandrite Filimon, Pavel Gorshkovskiy.

Сведения об авторах. Николай Вячеславович Салоников — к. ист. н. (специальность 07.00.09), доцент кафедры всемирной истории и международных отношений Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0002-6094-2038; salonikov@list.ru; Константин Владимирович Суториус — к. ист. н. (специальность 07.00.09), старший преподаватель кафедры сравнительного литературоведения и лингвистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург; ORCID: 0000-0001-5692-8076; sutorius@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 01.06.2020. Принята к публикации 01.07.2020.